

Виктор Точинов

Темные игры полуночи

Темные игры

Виктор Точинов

Темные игры полуночи

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Темные игры полуночи / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
— (Темные игры)

В Астрахани найдено тело неизвестного мужчины. Но удивительно то, что мужчина этот таинственным образом переместился на юг России из Санкт-Петербурга... А началось все с того, что принимая очередную партию цветного металла, Серегин обратил внимание на забавную пятиугольную вещицу неизвестного назначения...

Виктор Точинов

Темные игры полуночи

Маленький пролог

– Нездешний, – сказал Серегин. – Вон, белесый какой...

«Белесый» относилось не к волосам трупа – к коже. Волос почти не было – реденький венчик вокруг купола лысины. Цвет жалких остатков шевелюры определить было трудно – залиты кровью. И на теле, и вокруг крови хватает... Почерневшей.

Но что нездешний – это точно. Под астраханским жарким солнышком даже к маю месяцу такой цвет кожи не сохранишь.

– Ну и чем его? – уныло спросил Зорич. Сейчас окажется, что это самая поганая бытовуха, что приехавший с севера родственник попал по пьяни под какой-нибудь сельхозагрегат, а незадачливый убийца, небось, спит сейчас здоровым алкогольным сном – и бродящие по поселку слухи к вечеру обязательно доползут до участкового, который и получит явку с повинной в обмен на возможность похмелиться... И на хрена они тащились семьдесят верст раскаленной степью с Верхнего Баскунчака?

– Ничем, – сказал доктор Серегин. – По-моему, это падение. Падение с высоты...

Он виновато улыбнулся, сам понимая, что сказал глупость. Падать тут было решительно не с чего – гладкая, как стол, степь. Лишь километрах в трех торчали паучьи лапы высоковольтки.

Серегин не стал настаивать на нелепом предположении, отделившись затертой до прорех фразой:

– Вскрытие покажет... Но и без вскрытия скажу – все было здесь, ниоткуда его не тащили...

Вот так казус... Ни сельскохозяйственная, ни иная способная так разделать человека техника сюда подъехать не могла – следов никаких... Подъехать... А подлететь? Все же падение? Ага. Решил гость местного босса осмотреть с воздушей, как поля колосятся... И выпал со свистом из люка. А пилот не заметил, дальше полетел. Бред. С тем же успехом пассажир из рейсовика мог в унитазное отверстие выпасть... Да вроде те отверстия за борт не открываются. И пассажиры (как и гости местных боссов) на воздушях не парят в драных майках, вытянутых на коленях трениках и в шлепанцах на босу ногу... Вернее – в одном шлепанце. Вот и ключ к разгадке – на борту какого воздушного судна парный шлепанец завалился – оттуда и сиганул этот парашютист-склеротик. Там же и парашют забытый валяется...

– Ну, что? Займемся писаниной? – сказал Зорич. – Чует мое сердце – «висяк» классический... А при «висяке», известное дело, лишних бумажек не бывает...

Как в воду глядел. Вскрытие подтвердило правоту Серегина – но разгадке отнюдь не способствовало. Неопознанный труп не пойми откуда свалившегося человека в одном шлепанце пролежал восемь месяцев в холодильнике морга – и был захоронен под табличкой с номером.

А в нескольких тысячах километров к северо-западу этот человек еще числился живым. Но – пропавшим без вести. Впрочем, на вокзалах, в опорных пунктах и отделах милиции Астраханской области не расклеивали объявления на розыск Василецкого Сергея Сергеевича, 1936 г.р., вышедшего из дома в далеком Санкт-Петербурге – и не вернувшегося.

К тому же в объявлении была одна ошибка.

Из дома Василецкий не выходил.

1

Увидев впервые *эту штуку*, Славик расхохотался. Смех вызвала, собственно, не она, а согнувшийся под ее тяжестью Зигхаль. Вид у него был, действительно, на редкость комичный: за спиной рюкзак, в длинных, обезьяньих руках две кошелки; а на шее было надето *она* – металлический предмет пятиугольной формы и непонятого назначения.

Штуковина была довольно большая (свисая с закрывка владельца, она нижним краем била его при каждом шаге по голени) и, судя по всему, весьма тяжелая – лицо и шея сгорбившегося Зигхалья приобрели багрово-красный оттенок, он пошатывался и даже постанывал от натуги. Впрочем, этот индивид здоровым цветом лица и твердостью походки никогда не отличался.

Славику он напомнил давние, полузабытые картинки из совсем другой жизни – политические карикатуры в «Правде» и в «Крокодиле». Лет пятнадцать назад именно так изображали на них измученный тяготами жизни западный трудовой люд: изможденное лицо, рваная одежда и на шее похожий хомут, украшенный надписями «ПЛАТА ЗА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ», «НАЛОГИ», «ПЛАТА ЗА ЖИЛЬЕ», «ПЛАТА ЗА ОБРАЗОВАНИЕ». А сзади обычно шествовал буржуй в цилиндре, с сигарой в зубах, не отягощенный ничем, кроме необъятного брюха. Иногда надрывающийся пролетарий был чернокожим – тогда хомут символизировал долги развивающихся стран, почему-то не пожелавших встать на путь строительства социализма; паразит-эксплуататор в таком случае щеголял в шортах и пробковом колониальном шлеме...

Славик, стоя в дверях своего вагончика, еще смеялся над неожиданной ассоциацией, когда подошедший угнетенный труженик вскинул руку со звякнувшей кошелкой и замученно прохрипел обычное свое приветствие: «Зиг хайль!» Резкое движение нарушило хрупкое равновесие неустойчивой системы «Зигхаль – неизвестная фигулина» – инерция повела в сторону, накренила, Зигхаль нелепо взмахнул другой кошелкой и с трудом удержался на ногах.

– Зиг ха-ха-хайль! – откликнулся Славик, еще больше развеселившийся от такого бесплатного цирка.

Не всегда подобная манера здороваться встречала благожелательное или равнодушное отношение окружающих – не так давно Зигхаль дней десять не вылезал на улицу, сдуру поприветствовав таким образом старичка-ветерана, удивительно для своих лет крепкого и опиравшегося на толстую и весьма увесистую палку...

Славик отступил вглубь вагончика; Зигхаль с ношей протиснулся боком и грохнул хреновину (судя по оттенку – бронзовую) на загаженный пол.

– О-о-ух! Едва допер это гуано...

Хотя Зигхалья по виду часто принимали за бомжа, он им не был – в кармане у него имелся засаленный паспорт, а в паспорте штамп о прописке; имелась и однокомнатная квартира в близлежащей хрущовке (как подозревал Славик, совершенно пустая и изрядно загаженная). Зигхалья можно было бы назвать бичом, что некоторыми расшифровывается как «бывший интеллигентный человек». Одним из атавизмов интеллигентности была манера произносить некоторые ругательства в книжно-научном варианте, режущем слух русского человека: «гуано», «кондом», «педераст»...

– Что-то давно тебя не видно... – равнодушно начал разговор Славик, даже не глядя на весьма заинтриговавшую его штуковину. Такому только покажи свой интерес – сразу заявит, что принес не сдавать на вес, а продать как вещь... Хотя и на вес, если это действительно бронза, потянет немало...

– Ха! Я на той неделе опять контору учредил, во!

– И сколько заплатили?

– Сквалыги попались, три сотни всего, правда с обхождением – стакан перед подписанием, стакан после – культура, блин!

Зигхаль на бумаге числился весьма состоятельным человеком. Уставные документы по крайней мере полусотни фирмочек с очень ограниченной, просто микроскопической ответственностью, – именовали именно этого индивида своим учредителем и генеральным директором. Почти новый русский.

Ну да, все правильно, на «Льдинку», если дружки помогли, как раз до вчера ему тех трех сотен и хватило... А сегодня начал шустрить на опохмелку... Где же он надыбал эту штуку и что она, собственно, такое?

А Зигхаль стал тем временем вываливать на весы содержимое рюкзака, рассортированное по трем драным полиэтиленовым пакетам: медь, латунь, алюминий. Сплюснутые мотки трансформаторной проволоки, старые латунные вентили, мятая крышка от кастрюли – обычный джентльменский набор. Славик привычно проверял кучки металла магнитом, гонял гирьку по рейке и с ловкостью пианиста-виртуоза брал аккорды на выдавшем виды калькуляторе. И столь же привычно обсчитывал, немного, процентов на десять – в итоге это только компенсировало ухищрения иных его клиентов, умудряющихся шпиговать сдаваемый утиль начинкой, и близко не лежавшей от цветных металлов...

– Банки! – тоном мажордома Букингемского дворца гордо объявил Зигхаль, водружая на весы громыхнувшие кошелки.

– Банки не берем, – проникновенно и сочувственно сказал Славик. – Если хочешь, возьму как лом четвертой категории...

Тут Зигхаль должен был обреченно махнуть рукой – эх, бери, дескать, не тащить же обратно... Но не махнул, аккуратно снял кошелки, поставил к стенке у себя за спиной и нагнулся за хреновиной...

Вот так, значит. Банки как лом тебя уже не устраивают... И куда же ты с ними пойдешь, любезный? К Филе небось... Ну, Филя... Придется...

Мысль Славик до конца не додумал – бронзовая штука, представлявшая по форме правильный пятиугольник, на весы не помещалась, пришлось подкладывать доску. Лежа в горизонтальной плоскости, она напомнила Славику другой символ ушедшей эпохи – пятиугольник с буквами СССР внутри – знак так называемого качества. Нельзя сказать, что меченые таким клеймом товары были заветной мечтой рядового советского потребителя. Славик, как многие другие, предпочитал в те времена вещи, украшенные не знаком качества, а простой и неприятельной надписью «Made in...».

Пентаграмма, – вспомнил Славик иностранное слово. (Он ошибся – пентаграмма представляет собой самую обычную пятиконечную звезду, нарисованную так, как рисуют ее детишки – пятью пересекающимися линиями. Принесенная Зигхайлем фигура именовалась по-гречески пентагонон, или просто пентагон.) Но Славик не разбирался в таких тонкостях: пять углов – значит пентаграмма. И точка.

Пять сторон пентаграммы были толстыми, в руку толщиной, и тоже пятиугольными в сечении. Славик по привычке поднес к ним мощный магнит – черного металла внутри не было, наоборот, на какую-то долю секунды ему показалось, что штука отталкивает приближающуюся к ней руку с магнитом. Удивленно поднес еще раз – ощущение легчайшего сопротивления не появилось, видно и в самом деле почудилось...

– Ну ладно, сначала приятное, потом полезное. – Славик разорвал непечатую пачку «Беломора» и вручил Зигхалю папиросу. Это была обычная присказка и обычное, почти ритуальное, действие. Слева от входа у него висело коряво написанное на фанерке объявление (с почерком у Славика было не очень): «Каждому клиенту „Беломорина“ бесплатно!» Не то чтобы оно так уж привлекало желающих избавиться от излишков цветного металла, оно скорее позволяло мгновенно определить статус новых клиентов – к взявшим папиросу Славик тут же

начинал обращаться на «ты» и держался благодушно-покровительственно, как белый торговец, благодетельствующий неразумных дикарей огненной водой и отборными стеклянными бусами в обмен на какие-то там захудалые слоновые бивни и золотой песок. Иногда дармовой канцереген брали граждане, вполне прилично одетые и держащиеся преувеличенно высокомерно – дескать, вот, обнаружили чисто случайно дома пару килограммов латуни и решили занести по дороге на презентацию в Доме Кино... Таких Славик не любил особо и старался ткнуть носом в дерьмо с мстительно-злорадным удовольствием...

Зигхаль жадно затаился в ожидании расчета. Славик ждал, что он, по обыкновению, начнет хвастливо рассказывать, где и как он раздобыл эту увесистую геометрическую фигуру – и снова, как с банками, ошибся. Зигхаль молчал.

Ничего, сейчас ты у меня заговоришь, голуба... Мне совсем не в радость, когда рыщут по всем окрестным пунктам и разыскивают латунные причиндалы с могилки любимого дедушки. В конце концов, мертвым все равно... и мне тоже... но распиливать и прятать эту хреновину сейчас, на ночь глядя...

Почему-то пентаграмма показалась Славiku похоронным аксессуаром, хотя никогда ничего подобного на кладбищах он не видел... Он неторопливо отсчитал самые мятые и грязные бумажки за принесенное в рюкзаке, демонстративно игнорируя лежавшую на весах пентаграмму; отдал Зигхалю и прямо, в лоб, спросил:

– Откуда это?

Тот начал было что-то мямлить о свалке возле Южного рынка – Славик с каменным лицом убрал перехваченную резинкой пачечку купюр обратно в ящик колченогого стола. Встревоженный Зигхаль резко сменил пластинку:

– Да вот, поминки справляли третьего дня по Сергеичу. Помнишь, пропал такой? По суду мертвым ровно год назад признали... Мы с ним корешами были, вот мне вдова на поминках... как другу, значит... на память... в кладовке у него лежала... – начал свое объяснение происхождения штуки Зигхаль довольно бойко, но чем дальше, тем речь его становилась сбивчивей; наконец он смущенно замолчал, словно сам недоумевая, как сей предмет оказался в кладовке пропавшего Сергеича...

Врет, – убежденно подумал Славик, – как пить дать врет. Ничего ему вдова не дарила. Напилась хозяйка в лежку, а Зигхаль в кладовке пошарился, чем бы на опохмелку прибораклится...

Но, в общем, истории появления у него штуковины Славик поверил. С Сергеичем он был не знаком, тот ни разу не заглядывал в вагончик; но про его исчезновение знал понаслышке. Случалось, и не так редко, что постоянные и одинокие клиенты приемного пункта исчезали, а в их квартирах (для которых зачастую могло служить образцом чистоты и порядка жилище свиней, страдающих жестоким поносом) начинали хлопотать делавшие евроремонт рабочие... *Уезжают в деревню, – думал в таких случаях Славик, не допуская в голову иных предположений, – продают квартиры и уезжают к родственникам в деревню...* Но Сергеич исчез необычно, оставив жену и квартиру – и история Славiku запомнилась...

Ну ладно, пора заканчивать. Темнеет, однако... Больше сегодня никто уже не явится, приутило, что по пятницам не засиживаюсь...

– Тяжелая больно, похоже, свинцом внутри залита, – сказал Славик без всякого уже азарта, просто из привычки поторговаться (свинец был значительно дешевле бронзы).

Но Зигхаль, стреляный воробей, не первый год зарабатывал на выпивку визитами в вагончик. Не говоря ни слова, он наклонился, поднял валяющуюся под ногами железку и с размаху ударил по пентаграмме – в вагончике раздался протяжный не то гул, не то звон. Звон был чистый, как у камертона, и, казалось, продолжался где-то в области ультразвука уже после того, как уши перестали что-либо слышать – Славик передернулся, ему показалось, что спин-

ной мозг заколебался в унисон со штуковиной и продолжает вибрировать до сих пор. И опять возникли мысли о кладбище...

– Во-о! – Зигхаль торжествующе посмотрел на него. – Малиновый звон, а? Какой там свинец, небось еще и серебра подмешали, для звука-то...

И он снова замахнулся железкой. Славик остановил его резким жестом и стал рассчитывать. Через минуту Зигхаль торопливо удалился в сторону станции с пустым, сморщенным рюкзаком за спиной и бренчащими кошелками в руках, а Славик Зарубин стал полноправным владельцем штуковины.

2

И где же покойный (или таки живой?) Сергееч разжился деталькой-то? И частью чего она, собственно, была?

Славик, поднатужившись, снял с весов и прислонил к стене пентаграмму. Порылся в углу среди всякого барахла, извлек пилу-болгарку (*диск старый... долго корячиться придется...*) и стал примериваться, как побыстрее распилить громоздкую штуковину, чтобы успеть к «Полю чудес», любимой своей передаче. Постоял, сжимая болгарку в руках и еще раз, гораздо подробнее, чем при Зигхале, осматривая непонятное приобретение.

Пентаграмма стояла у стены, тускло отсвечивая старой бронзой. Никаких надписей, рисунков или заводских клейм на ней Славик не заметил (правда, оставалась неосмотренной сторона, обращенная к грязному полу вагончика, но он был почему-то уверен, что она такая же ровная и гладкая...).

Не было на пентаграмме и следов крепления к ней других деталей. Ничего похожего на сварные швы, даже зачищенные и заполированные, в местах соединения сторон тоже не наблюдалось – конструкция была явно отлита целиком и не являлась частью чего-то большего – выглядела законченной, самодостаточной, даже совершенной. Больше того, несмотря на внешнюю простоту, она была просто красива...

Славик понял это, понял и то, что не хочет разрезать штуковину – и выключил вхолостую вращавшуюся болгарку.

Несколько раз на нынешней работе у него уже возникало такое чувство – и он припрятывал, а порой и уносил домой предметы совершенно непонятного назначения, про которые понимал только одно – разрезать и отправлять их в переплавку нельзя. В результате в невеликой трешке-распашонке Славика образовалась коллекция предметов, напоминающих на первый взгляд трофеи, вынесенные из какой-нибудь Зоны алчным сталкером, хватаящим все попавшее под руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.